

УДК 394(5-191.2):323.1

КЛАНЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.К. Илебаева, М.К. Батанова

Анализируются современные правящие кланы в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане. Рассмотрены различные точки зрения на дефиницию “клан” в зарубежной и отечественной научной и справочно-энциклопедической литературе. Предложено своё определение данного понятия в узком и широком смысле. Проанализирована сущность такого социального явления, как клановость. Дана типологизация клановых систем в Центральной Азии. В качестве земледельческого формата кланов сделан научный обзор особенностей клановой системы в Узбекистане, состоящей из восьми землячеств, и специфики четырёх этнорегиональных кланов в современном Таджикистане. Рассмотрена постномадическая клановая система в Туркменистане (правящие лидерские кланы), в Казахстане (три жуза) и в Кыргызстане (южный и северный кланы в трайбовом разрезе). Показана роль и перспективы центральноазиатских кланов в общественно-политическом и этноидентификационном развитии народов региона.

Ключевые слова: клан; клановость; род; племя; трайб; трайбализм; этнорегионализм; субэтнос; номады; пост-номады; земледельческие этносы.

ЗАМАНБАП БОРБОРДУК АЗИЯНЫН КЛАНДАРЫ

А.К. Илебаева, М.К. Батанова

Макалада Кыргызстан, Казакстан, Өзбекстан, Түркмөнстан жана Тажикстандагы азыркы башкаруучу кландар талдоого алынат. Чет элдик жана ата мекендик илимий жана маалымдама-энциклопедиялык адабияттарда «клан» аныктамасына болгон ар кыл көз караштар каралды. Бул түшүнүктүн тар жана кеңири мааниде өзүнүн аныктамасы сунушталган. Кланчылык сыяктуу коомдук кубулуштун маңызы талдоого алынган. Борбордук Азиядагы кландык системалардын типологиясы берилген. Уруулардын айыл чарба форматы катары Өзбекстандагы сегиз жамааттан турган кландык түзүлүштүн өзгөчөлүктөрүнө жана азыркы Тажикстандагы төрт этнорегиондук кландардын өзгөчөлүктөрүнө илимий баяндама жасалган. Көчмөндөрдүн кийинки кландык система Түркмөнстанда (башкаруучу уруулар), Казакстанда (үч жүз) жана Кыргызстанда (уруулардагы түштүк жана түндүк кландар) каралат. Аймактын элдеринин социалдык-саясий жана этноидентификациялык өнүгүүсүндөгү Борбордук Азия кландарынын ролу жана келечеги көрсөтүлгөн.

Түйүндүү сөздөр: клан; кландык; тукум; уруу; уруучулук; этнорегионализм; субэтнос; көчмөндөр; посткөчмөндөр; айыл чарба этникалык топтору.

MODERN CLANS OF CENTRAL ASIA

A.K. Ilyeva, M.K. Batanova

The article is devoted to the analysis of modern ruling clans in Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan and Tajikistan. In foreign and native scientific and reference-encyclopedic literature, there are different points of view on the definition of “clan”. The authors propose our own definition of this concept in a narrow and broad sense. The analysis of the essence of such a social sphere as clannishness is carried out. The typology of clan systems in Central Asia is given. A scientific analysis of the features of the clan system in Uzbekistan, consisting of eight land management formations of clans and four ethno-regional clans in modern Tajikistan, is carried out. The post-communist clan system in Turkmenistan (ruling leadership clans), Kazakhstan (three hundred) and Kyrgyzstan (southern and northern, tribal clans) is considered. The role and prospects of Central Asian clans in the socio-political and ethnoidentic development of the peoples of the region are shown.

Keywords: clan; clannishness; clan; tribe; tribalism; ethno-regionalism; subethnos; nomads; post-nomads; agricultural ethnoses.

Научный интерес к определению дефиниции “клан” усилился в контексте актуализации проблем родоплеменного разделения и трайбовой идентичности для постномадических общностей. Данное обстоятельство получило мощный импульс в связи с этническим ренессансом в значительной части постсоветского пространства, населённого в большинстве своём этносами, в прошлом ведших кочевой или полукочевой образ жизни. Это, во-первых, касается центральноазиатских народов, таких как казахи, кыргызы, туркмены, каракалпаки, кочевые узбекские и таджикские племена. Во-вторых, к постномадам относится большинство этносов Северного Кавказа, Причерноморья, Поволжья, Урала, Южной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера: карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, адыги, калмыки, ногайцы, татары, башкиры, буряты, алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, чукчи, ненцы, якуты и др. Архаизация этнической идентичности постномадов объясняется освобождением от жёстких рамок советской национальной политики, позволившее без ограничений проявлять интерес как на теоретическом, так и на практическом уровне к своему этнокультурному наследию, включая трайбовые ценности, солидарность, лояльность и идентичность. Кроме этого, всестороннее кризисное состояние, возникшее при развале СССР, востребовало такие традиционные защитные механизмы, как родоплеменная поддержка, помощь и консолидация, нередко в ущерб общенациональным интересам.

Вышеизложенное актуализировало исследование внутриэтнических (субэтнических) структур, отношений, противоречий и парадигм, включая кланы.

Среди учёных, занимающихся клановой проблематикой, не сложилось общепринятой точки зрения на определение дефиниции “клан”. Совершенно справедливо в этой связи пишет А. Болпонова: “В научной литературе существует множество определений клана. При этом исследование проблемы методологически усложняется из-за употребления множества связанных понятий, используемых в разных дискурсах: в историческом – “родовая община”, “линидж”, “непотизм”, “трайбализм”, “кумовство”, “азиатский способ производства”, “номенклатура”

советского периода; в политическом – “элита” (в смысле замкнутых элитных групп), патронажные сети; в философском – “идентичность”, “менталитет”; в социологическом – “социальная стратификация” и т. д.” [1, с. 58].

В Википедии даётся следующее определение понятию “клан”: “Клан (гэльск. *clann* – семья или потомство) – наименование рода (реже племени) у кельтских народов: ирландцев, шотландцев, валлийцев (уэльсцев) и других.

Кланы – шотландские родовые общины с внутренним патриархальным устройством, основанные на клиентско-патронских отношениях и фикции наличия общего предка. Кланы имеют официальную структуру, признанную Лионским судом, который регулирует шотландскую геральдику и гербы. Слово *клан* (англ. *clan*, гэльск. *clann*) гальского происхождения и переводится как “отпрыски”. Клановая система была разрушена в конце XVIII – в начале XIX века в результате “очистки имений” шотландских лордов от населения” [2].

По мнению российского этнолога О.Ю. Артёмовой, под этим понятием следует иметь следующее: “Клан (от гэльск. *clann* – родня, потомство) – унилинейное родственное объединение, возводящее своё происхождение к единому предку, точные генеалогические связи с которым не прослеживаются. В литературе по этнологии и социальной антропологии термин “клан” зачастую применяется несколько шире по отношению к любым родственным группировкам доклассовых и раннеклассовых обществ. Клан при этом может объединять несколько линиджей. Он может быть как экзогамным, так и эндогамным” [3].

Таким образом, большинство энциклопедических и справочных изданий под кланом понимают трайбовые структуры, присущие традиционным афро-азиатским социумам. В основе клановых связей, отношений, ценностей и идентичностей лежат родственные и территориальные парадигмы. Ярким примером кланового разделения является Центральная Азия в прошлом, в настоящем и, хотя бы в недалёком, будущем. В связи с этим совершенно справедливо отмечает А. Болпонова: “Наиболее часто встречающийся смысл термина “клан” – “tribe” (племя). Под “трайбом” понимается малая группа людей,

объединённых родовой или территориальной общностью. Выделяют несколько разновидностей трайбализма: политический, социальный и историко-культурный. В современном обществе наиболее актуален политический трайбализм” [1].

С понятием “клан” непосредственно связано понятие “клановость”. В Викисловаре отмечается, что к дефиниции “клановость” близки понятиям “бюрократизм”, “трайбализм”, “конформист”, “аполитичность”, “потестарность”.

На наш взгляд, наиболее тождественным понятием клановости является трайбализм, который в данном издании трактуется следующим образом: “Трайбализм (трибализм, трайбализация, англ. *tribalism*, от лат. *tribus* – племя) – форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам. Изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления” [4].

По мнению американского исследователя клановой системы современной Центральной Азии К. Коллинса нельзя определять кланы, как этносы, национальные общности, трайбы, коррупционные связи, мафиозные структуры, клиентально-патронажные механизмы. К примеру, этнические группы и национальные общности в условиях административно-командной системы социализма в СССР детерминировались государственной системой, что диссонирует с клановой парадигмой. По её мнению, понятие “клан” наиболее близкое отношение имеет к дефиниции “племя”, так как в генезисе племенные объединения представляли собой разветвлённые конфедерации близкородственных кланов, осознающих единую патрилинейную идентичность. Из-за того, что значительная часть евразийских трайбов исчезла в процессе транзита к осёдлому образу жизни и массовой коллективизации, Коллинс, акцентируя внимание в качестве объекта своего исследования на суженных субструктурах трайбов, использует дефиницию “клан” [5].

Действительно, клановая система в странах Центральной Азии имеет длительную многовековую историю и эволюцию. В связи с тем, что в этом регионе столетиями проживает мно-

жество этнических групп, отличающихся друг от друга типом хозяйствования, вытекающим из геобиоландшафта, различной степенью религиозности, влиянием множества государственных образований своих и чужих, в прошлом и настоящем сегодня у каждой центральноазиатской республики сконденсировалась из истории и адаптировалась к современной глобализации своя собственная специфическая клановая система. В целом, несмотря на авторитарность или демократичность центральноазиатских политических режимов можно выделить два типа традиционных клановых форматов в регионе: земледельческо-индустриальный и постномадический.

К первому типу кланов условно можно отнести клановые парадигмы Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. Исторически в этих странах доминировало население, традиционно занимающееся в основном земледелием, ремесленничеством и торговлей. Хотя имеется и посткочевая популяция в лице бывших полукочевых узбекских и таджикских племён, а также кыргызская, казахская, туркменская диаспоры и каракалпаки. Но они все вместе составляют небольшую часть граждан этих республик.

Исторически существование географических регионов Узбекистана породило эволюционным путём устойчивые территориальные общности, или кланы, которые сложились в субэтносы на стыке XIX и XX столетий. Но нельзя упускать из вида, что у узбеков существует деление на племена.

Так, в Википедии отмечается следующее: “Традиционно считается, что существует 92 рода и племена “узбеков” в старом понимании этого термина кочевого Дешт-и-Кипчакского происхождения”. Как установил современный историк Т. Султанов, эти 92 “рода” включают в себя “названия большинства тюркских и некоторых нетюркских этносов, населявших Среднюю Азию в то время” [6].

Но племенная идентичность утратила уже многие десятилетия свою значимость, распространённость и символичность среди узбеков. Она повсеместно фактически растворилась в клановой идентичности. В современном Узбекистане выделяется восемь кланов. Р. Федюк даёт следующий анализ клановой системы

современного Узбекистана: “Самыми мощными и влиятельными на данный момент являются Ташкентский и Самаркандский кланы. В тройку лидеров входил некогда и мощный Ферганский клан, но его влияние было жестоко и последовательно уничтожено самим Каримовым. Кроме вышеупомянутых, в Узбекистане действуют еще и Бухарский, Хорезмский, Кашкадаринский, Сурхандаринский и Каракалпакский кланы. Но их позиции в центральной власти относительно слабые, поэтому для решения проблем в столице они, как правило, вынуждены прибегать к услугам “ташкентцев” и “самаркандцев”. Что, впрочем, не отменяет того факта, что “провинциальные” кланы пользуются немалым влиянием на периферии и в органах местного самоуправления” [7].

Клановую систему Таджикистана, на наш взгляд, можно отнести к земледельческому типу центральноазиатских кланов. В научной литературе существует много точек зрения на структуру таджикских кланов. Но в контексте нашего исследования наиболее обоснованной является позиция российского этнолога С. Абашина, который пишет следующее: “Нередко выделяли четыре основных региона: ленинабадский, каратегинский, кулябский, памирский. Иногда к этим четырем группам, образовавшимся в результате “этнической дивергенции”, добавляли пятый “субэтнос” – Гиссар. Иногда говорили о шести регионах: Ленинабадская / Согдийская область, “Гармская зона”, “Кулябская область”, “Курган-Тюбинская зона”, “Гиссарская зона” (кто-то посчитал, что в Гиссаре своего политического клана нет), Горно-Бадахшанская автономная область (Памир). Иногда отдельно выделяли столицу Душанбе, которая географически находится в Гиссарской долине – получалось семь регионов. Высказывалось также мнение, что “душанбинского клана” не существует” [8].

Ко второму типу центральноазиатских кланов – постномадам – относятся кланы Туркменистана. Следует особо отметить, что клановая система представляет собой сложный конгломерат постномадических племён, который сложно систематизировать. Представляет научный интерес попытка М. Оленева выявить клановую принадлежность первых лиц Туркмении в советские годы и в период суверенизации респуб-

лики. В связи с этим он пишет следующее: “... Когда первым секретарем ЦК КПТ Туркменистана стал Шаджа Батыров, властные структуры государства преимущественно занимали ахалские текинцы. Во времена Сухана Бабаева ахалских текинцев вытеснили алилинцы. Затем пришло время Джума Дурды Караева (уроженца г. Байрам-Али, Марыйской обл.). Алилинская номенклатура уступила место марыйским текинцам, Караева сменил Балыш Овезов. Емуды начали занимать чиновничьи кресла, на которых только что сидели марыйские текинцы. На смену Овезову пришел Мухамметназар Гапуров, и Ашхабад заволокли выходцы из Чарджуу. Считается, что Гапуровы принадлежат к племени эрсары. Последний секретарь ЦК КП Туркменистана и первый Президент Республики Тукменистан Ниязов (Аннаниязов) Сапармурад Атаевич (р. 19.02.1940, г. Ашхабад)” [9].

Наиболее чётко структурированы постномадические кланы в Казахстане, которые оказывают огромное влияние на социально-политическое и духовное развитие даже в постсоветские годы. Известный казахский философ Н. Амрекулов так определяет клановую системы своей страны: “Всего жузов *три*: Улы жуз (“Старший”), Орта (“Средний”) и Киши (“Младший”) жуз. Географически они располагались с юга-востока (Семиречье как ареал расселения Старшего жуза) на северо-запад (место обитания Младшего жуза). Средний жуз занимал самую обширную срединную территорию. Старший жуз получил такое название не из-за многочисленности, а по старшинству входивших в его состав родов – до революции самым большим был Младший, затем Средний жузы. Причем самый последний в этой иерархии род Старшего жуза имел преимущества перед самым старшим родом Среднего жуза и т. д. Однако неверно сводить жузы лишь к узким кровнородственным образованиям. Большинство исследователей видят в них *геополитические, этнотерриториальные* образования, таксономические единицы устройства кочевой государственности казахов” [10].

Третьей центральноазиатской страной, для которой характерна постномадическая модель кланов, является Кыргызстан. Кыргызы являлись в прошлом классическим кочевым

народом, состоящим из племён с развитой клановой идентичностью, которая сохранилась и начала заново возрождаться в годы формирования демократического общества с рыночной экономикой. Кроме родоплеменного уровня клановости более влиятельными клановыми структурами явились этнорегиональные общности. На наш взгляд, термин “клан” в широком смысле можно рассматривать как “субэтнос”. В связи с этим актуально использовать следующее заключение кыргызстанских исследователей А.К. Джусупбекова и А.К. Илебаевой: “Если термин “субэтнос” экстраполировать на кыргызов, то к ним следует отнести северных и южных кыргызов, как территориально-культурные подразделения народов или этнографические группы, субэтноты меньшего масштаба, характеризующиеся культурно-бытовой спецификой. Такими этнографическими группами, или субэтнотами второго порядка, являются, например, ичкилики, сарткалмаки, иссыккульские, нарынские, таласские, чуйские, баткенские, ошские, джалалабадские кыргызы. Но есть другой критерий – родоплеменной. Исходя из него, кыргызский этнос делится на несколько уровней субэтноты, начиная от родоплеменных конфедераций – он, сол, ичкилик и племен” [11, с. 15].

Анализ научной литературы по проблемам клана, клановости, клановых отношений позволяет сделать вывод о том, что клан – это, в узком смысле, унилинейное родственное объединение, происходящее от единого предка, генеалогически точно незафиксированного. А в широком смысле – это племя, представляющее собой небольшую общность людей с единой трайбовой либо этнорегиональной (этнолокальной) идентичностью. Под кланом нередко понимаются кровнородственные группы людей, связанных с той или иной политической личностью. Обычно в этом контексте данный термин используется применительно к правящим элитам.

В целом, ренессансные процессы в условиях глобализации и системные кризисные явления в Центральной Азии способствуют архайзации основ современных политических элит

и укрепляют клановую парадигму в управлении государством и социумом через подбор и расстановку руководящих кадров.

Литература

1. Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность / А. Болпонова // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 3–4.
2. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/КланыШотландии> (дата обращения: 21.05.2021).
3. Артёмова О.Ю. Клан // Народы и религии мира: Энциклопедия / О.Ю. Артёмова. М.: Большая российская энциклопедия, 1999.
4. Викисловарь. URL: <https://kartaslov.ru/картаслова/толкование/клановость> (дата обращения: 21.05.2021).
5. Коллинс К. Логика клановой политики в Центральной Азии. The logic of clan politics. Evidence from the Central Asian trajectories / К. Коллинс // World politics. Princeton. 2004. Vol. 56, № 2.
6. Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Узбекские_племена (дата обращения: 22.05.2021).
7. Восемь кланов Узбекистана: Кто претендует на трон Каримова. URL: <https://www.depoua/rus/svit/chi-chekae-na-uzbekistan-viynaklaniv-30082016140000> (дата обращения: 22.05.2021).
8. Абашинов С. Регионализм в Таджикистане: Становление “этнического языка” / С. Абашинов. URL: <https://www.livelib.ru/author/top-sergej-abashinov> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Оленев М. Роды и кланы Средней Азии. Каримовы, Рахмоновы, Ниязовы... / М. Оленев. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1165821120> (дата обращения: 22.05.2021).
10. Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана / Н. Амрекулов. URL: <https://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml> (дата обращения: 25.05.2021).
11. Джусупбеков А.К. Субэтноты и их взаимоотношения / А.К. Джусупбеков, А.К. Илебаева. Бишкек: Maxprint, 2020.